Коялович
Куликовская битва и ее значение...

ЭБ
2007096065

Куликовская битва и ея значеніе въ исторіи русской государственности и русской церкви.

Много прекрасныхъ мыслей высказано въ день пятисотлѣтія Куликовской битвы и по поводу этого народнаго нашего торжества; но Куликовская битва — такое великое событіе, что объ ней можно говорить очень много и очень часто. Въ особенности важно уяснять себѣ связь этого событія съ предшествовавшимъ ему историческимъ русскимъ движеніемъ. Тогда мы легче можемъ понять тѣ главныя силы русской государственности, русской религіозности и вообще силы русской народности, которыя выразились такъ блистательно на Куликовскомъ полѣ и которыя русскимъ людямъ слѣдуетъ всегда знать и почаще вспоминать. Нижеслѣдующая статья и представляетъ взглядъ на Куликовскую битву съ этой именно стороны.

Великій человѣкъ XIII вѣка Александръ Невскій, поражавшій безъ неудачъ всѣхъ сѣверо-западныхъ враговъ Россіи — шведовъ, ливонскихъ нѣмцевъ и Литву, — человѣкъ, о которомъ, по народному преданію, слава разносилась и по чужимъ странамъ и сочувственно встрѣчалась даже татарами, который до такой степени привлекалъ къ себѣ сердца рус-

скихъ людей, что даже буйные въ своемъ свободолюбіи новгородцы не разъ смирялись передъ нимъ въ весьма щекотливыхъ столкновеніяхъ, а псковичи положили даже завѣтъ будущимъ родамъ своимъ—никогда не забывать его благодѣяній и дѣлать добро его потомкамъ въ случаѣ ихъ нужды, —этотъ-то необыкновенный человѣкъ, когда исторія поставила ему задачу повернуться лицомъ къ востоку и двинуться съ оружіемъ противъ татаръ вмѣстѣ съ народомъ почти всей сѣверной половины Россіи, возстававшимъ въ послѣднихъ пятидесятыхъ и первыхъ шестидесятыхъ годахъ противъ татарскихъ насилій, опустилъ свой могучій мечъ, склонилъ передъ татарами свою побѣдоносную голову и пошелъ самъ молить ихъ о пощадѣ русскаго народа.

Какимъ образомъ это могло случиться? Какимъ образомъ этотъ доблестнѣйшій князь, котораго необыкновенныя военныя дарованія, безъ сомнѣнія, сильно влекли стать во главѣ поднявшагося народа и, по выраженію его предковъ, или добыть славу, или лечь костьми, не послѣдовалъ этому влеченію, а сталъ въ положеніе смиреннаго, покорнаго человѣка? Не забудемъ, что кромѣ личныхъ, славныхъ военныхъ дѣлъ съ западными врагами и кромѣ воинственнаго взрыва народа, его не могли не воодушевлять къ этой борьбѣ и воспоминанія прошлаго и свѣжія дѣла нѣкоторыхъ его современниковъ. Дорого продавали татарамъ русскую свободу, можно сказать, всѣ князья, всѣ дружинники и всѣ вообще русскіе люди; вездѣ они погибали славною смертію и нѣкоторые даже сами, единолично шли на эту погибель. Затѣмъ, съ налегшимъ на Ро[illegible] татарскимъ игомъ не мирились весьма многіе русскіе, и мы

свергнуть поскорѣе это позорное иго и возвратить дорогую русскую свободу была завѣтною ихъ мыслію. Ею жилъ и неутомимо осуществлялъ ее современникъ и какъ-бы соревнователь Александра Невскаго въ славныхъ дѣлахъ Даніилъ Галицкій; ее лелѣялъ и тоже пробовалъ осуществить родной братъ Александра Невскаго Ярославъ. Ее воспринялъ съ юношескимъ увлеченіемъ и уже собралъ для этого рать родной сынъ Александра Невскаго Василій. Какимъ же образомъ могло случиться, что такой необыкновенный человѣкъ—Александръ Невскій,—этотъ Владиміръ Мономахъ временъ татарскаго ига, пошелъ противъ собственныхъ, казалось, благороднѣйшихъ влеченій, противъ призыва народа, противъ вызывавшихъ на соревнованіе примѣровъ славнаго прошедшаго и современныхъ дѣлъ близкихъ, дорогихъ ему людей?

Этотъ необыкновенный шагъ меньше всего былъ дѣломъ мудрой, или какъ обыкновенно говорятъ, ловкой политики Александра Невскаго. Въ поступкѣ этомъ не видно двухъ существенныхъ особенностей ловкой политики. Люди этой политики обыкновенно бываютъ очень самолюбивы и меньше всего способны жертвовать собою лично. Они обыкновенно очень берегутъ себя и выдвигаютъ для опасныхъ дѣлъ другихъ, обнаруживая при этомъ совершенное неуваженіе къ личности ближняго, къ благу такъ называемой массы народа. Въ поступкѣ же Александра Невскаго мы видимъ совершенно противное. Онъ смѣло идетъ на величайшую личную опасность и обнаруживаетъ величайшую заботливость именно о благѣ массы народа, о благѣ тѣхъ меньшихъ братій, которыхъ раз-громъ татарскій и послѣдовавшее затѣмъ татарское иго за-

ставляли думать лишь о сохраненіи жизни, о кускѣ хлѣба. Имъ, этимъ меньшимъ братьямъ, составлявшимъ большею частью первое поколѣніе, выросшее послѣ татарскаго разгрома, грозила теперь самая большая бѣда отъ новаго разгрома татаръ, который не могъ бы окупиться никакою доблестію, никакою славою. Словомъ, рѣшеніе Александра Невскаго не бороться съ татарами, а идти молить ихъ о пощадѣ было величайшимъ подвигомъ христіанскаго самоотреченія для блага ближнихъ. И такъ это понято было русскими людьми. Лучшій духовный представитель ихъ того времени митрополитъ Кириллъ прекрасно выразилъ эту мысль, сказавъ народу во Владимірѣ при извѣстіи о кончинѣ Александра Невскаго: «зайде солнце земли русской», и всѣ воскликнули: «уже погибаемъ!» Такъ поняла Александра Невскаго и вся русская церковь, признавшая въ его дѣлахъ несомнѣнную святость.

Этотъ образъ дѣйствій Александра Невскаго сталъ завѣтомъ на долгое время для его потомковъ. Ладить съ татарами и этимъ оберегать миръ русской земли сдѣлалось особенно неизмѣнною политикой младшей вѣтви его рода—князей московскихъ. Но такъ какъ эти потомки не обладали тѣмъ нравственнымъ величіемъ, какое выразилось въ рѣшимости Александра Невскаго склонить голову передъ татарами, то его великая мысль съ первыхъ же временъ стала жестоко искажаться и перешла въ политику—ладить съ татарами во что бы то ни стало. Захваты чужихъ владѣній, вѣроломныя убійства ближнихъ стали обычными спутниками возвышавшихся надъ другими первыхъ московскихъ князей. Довольно вспомнить мученическую смерть Михаила Ярославича тверскаго, смерть его сына

Александра Михайловича, чтобы видѣть, до чего доводила дружба съ татарами. Но, что особенно было печально въ этой политикѣ, она дѣлала быстрыя, нравственныя завоеванія въ Россіи, дѣлалась народною русскою политикою. Выраженіемъ успѣха въ русскомъ сознаніи этой политики былъ странный походъ почти всей Россіи противъ Пскова, чтобы добыть и передать на закланіе татарамъ засѣвшаго во Псковѣ упомянутаго нами тверскаго князя Александра Михайловича, задумавшаго было бороться съ татарами. Но особенно глубокій смыслъ этой политики высказался въ слѣдующемъ лѣтописномъ свидѣтельствѣ. Лѣтописецъ, описывавшій дѣла той самой области, т. е. тверской, князья которой больше всѣхъ пострадали отъ этой политики, желая охарактеризовать время Іоанна Калиты и ближайшее послѣ него, какъ результатъ его дѣятельности, говоритъ: и бысть (послѣ того, какъ Калита сѣлъ на московскій престолъ въ 1328 г.) тишина велика на 40 лѣтъ, и престаша поганыи воевати русскую землю и закалати христіанъ: и отдохнуша и упочинуша христіане отъ великія истомы и многія тягости, и отъ насилія татарскаго, и бысть оттолѣ тишина велика по всей земли (*). Это спокойное, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма рѣшительное признаніе блага московской политики для меньшихъ братій лучше всего показываетъ, какую тогда великую потребность для народа составляла возможность, по крайней мѣрѣ, жить. Но не представляетъ ли и это свидѣтельство, какъ и вышеуказанный походъ на Псковъ, также доказательства и того, что русскіе люди того времени, такъ смотрѣвшіе на благо московской государ-

(*) Полн. собр. р. лѣт. т. 15, стр. 417.

ственности, погрузившись въ область насущныхъ, матеріальныхъ потребностей, забывали жестоко нравственныя потребности. Не могли же у этого самаго лѣтописца не возникать воспоминанія о поразительныхъ глумленіяхъ московскихъ князей — Юрія Даниловича и Іоанна Калиты надъ тверскими князьями и населеніемъ ихъ области? Русская народная нравственность того времени спасена неоспоримо въ сознаніи другихъ лѣтописцевъ, которые сурово осуждаютъ псковскій походъ (*), а одна лѣтопись даже прямо заявила обвиненіе Калиты въ смерти князя Александра Михайловича, обманутаго видимою благосклонностію татаръ и отправившагося къ нимъ (**). Но есть основаніе думать, что и вышеприведенный лѣтописецъ не забывалъ нравственныхъ началъ жизни, когда говорилъ объ облегченіи несчастій меньшихъ братій, отдохновеніи отъ закланій и разореній татарскихъ, какъ о благахъ московской государственности. Его кроткая, какъ бы исполненная христіанскаго забвенія зла, характеристика московской государственности его времени поразительно совпадаетъ съ оцѣнкою этой государственности другихъ лицъ неоспоримо высокой нравственности и дышетъ какъ бы одинаковою съ ними вѣрою въ хорошую будущность этой самой московской государственности.

Митрополитъ Петръ, вышедшій изъ югозападной Россіи и, безъ сомнѣнія, хорошо знакомый не только съ богатыми да-

(*) Того же лѣта (1328 г.), говорится въ Никоновской лѣтописи, вложи оканный врагъ діаволъ *злую* мысль княземъ русскимъ взыскати князя Александра Михайловича тверскаго повелѣніемъ татарскаго царя Азбяки и подъяша всю землю русскую (т. 3, стр. 151).

(**) Соф. лѣт. Полн. собр. р. лѣт. т. 5, стр. 221.

рами своей страны, но и съ недавнимъ величіемъ Кіева и увлекательными доблестями многихъ южныхъ князей, поселяется въ Москвѣ у этого самаго Іоанна Калиты, и съ глубокою вѣрою въ будущность московской государственности предсказываетъ ему первенство Москвы въ ряду другихъ княжествъ Россіи. Родители преподобнаго Сергія Радонежскаго, много терпѣвшіе съ своими согражданами на своей родинѣ—ростовской области отъ московскихъ насилій, явно держатся того же взгляда, какой высказанъ вышеприведеннымъ лѣтописцемъ, переселяются въ московскую область, гдѣ можно упочинуть отъ закаланій и насилій, и изъ этой семьи выходитъ человѣкъ—преподобный Сергій Радонежскій, который съ тою же вѣрою въ будущность Москвы основываетъ подлѣ нея монастырь, новую великую нравственную опору Москвы, и самъ принимаетъ живое участіе въ развитіи московской государственности.

Эта вѣра въ будущность московской государственности, въ ея способность очиститься отъ татарскихъ наростовъ и стать дѣйствительною русской силой дѣлается болѣе и болѣе общерусскою и привлекаетъ къ себѣ русскихъ людей изъ самыхъ отдаленныхъ областей, изъ областей даже, повидимому, совсѣмъ оторванныхъ отъ Россіи. Кромѣ дружинниковъ ближайшихъ удѣльныхъ областей, къ Москвѣ направляются русскіе люди изъ западной Россіи,—изъ тогдашняго Литовскаго княжества, иногда съ цѣлыми военными отрядами. Какъ въ новѣйшія времена, несмотря на наши недостатки, промахи, наша русская государственность дорога всѣмъ славянамъ (кромѣ впрочемъ поляковъ), и они встрѣчаютъ сочувствіемъ и

посильною поддержкою всякій ея успѣхъ, такъ было и встарину. Можно съ одинаковою справедливостію сказать и то, что Москва собирала Русь, и то, что вся Русь собирала Москву, что вся Русь, не смотря на областные и государственные рубежи, устремлялась на это строеніе, упрочивала будущность Москвы и подготовляла ей величіе и славу. Уже во времена Симеона Гордаго эти народные собиратели русской земли составляли такую значительную и вліятельную силу подлѣ московскаго князя, что ее призналъ даже Симеонъ Гордый и, умирая, передалъ на ея руки своего преемника, котораго обязалъ слушаться этихъ надежныхъ охранителей московской государственности.

Образованіе этой общественной силы подлѣ престола московскихъ князей и признаніе ими ея значенія было выраженіемъ сильнаго, здраваго русскаго смысла, выраженіемъ того историческаго русскаго чутья, которымъ такъ богата была наша старая Русь. Тогда дѣйствительно настали такія времена, что только общественная, народная поддержка могла спасти московскую государственность. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, часто изъ году въ годъ, Россію поражали физическія бѣдствія, особенно такъ называемая черная смерть. Въ довершеніе физическихъ бѣдствій на престолѣ московскомъ оказывались: то слабосильный по дарованіямъ Іоаннъ Іоанновичъ, то слабосильный по возрасту, малолѣтній сынъ его Димитрій Іоанновичъ. Упадокъ матеріальной силы Москвы, упадокъ авторитета ея князей повелъ сейчасъ же къ оживленію областныхъ притязаній на самобытность и соперничество съ Москвой. Выступали на борьбу съ Москвой князья

тверской, рязанскій, суздальскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало высказывать давящее на восточную Русь вліяніе быстро выдвинувшееся Литовское княжество, могущественный князь котораго Ольгердъ подавалъ сильную руку соперникамъ Москвы, особенно тверскому князю и, что особенно было опасно, вызывая и поддерживая притязанія на власть надъ всею Россіей выдвигаемыхъ имъ особыхъ западно-русскихъ митрополитовъ, закидывалъ свои политическія сѣти не только на Новгородъ, Псковъ и Тверь, но даже на суздальскую область.

Вотъ, въ эти то времена и сказалась вся польза того, что подлѣ московскихъ князей образовалась большая сборная сила русскихъ государственныхъ людей и что ея участіе въ дѣлахъ было признано и даже вызвано самими московскими князьями. Сила эта обнаружила тогда великую энергію, и какъ бы въ соотвѣтствіе съ великостію предстоявшихъ тогда задачъ, выдвинула изъ среды себя, кромѣ преподобнаго Сергія, такого необыкновеннаго человѣка, какъ митрополитъ Алексій. Эти русскіе люди, можно сказать, на своихъ рукахъ вынесли изъ всѣхъ затрудненій и Іоанна Іоанновича, и особенно малолѣтняго Димитрія Іоанновича. Во всей своей мрачной неотразимости представилась теперь старая политика— ладить съ татарами. Московскіе государственные люди возили на поклонъ къ ханамъ молодого Димитрія; митрополитъ Алексій самъ ѣздилъ къ нимъ, и эти страшные дикари покорялись обаянію его нравственнаго величія, его могущественной святости. Но по отношенію къ внутреннимъ врагамъ и притязаніямъ Ольгерда московскіе государственные люди дѣйствовали совсѣмъ иначе. Противъ нихъ съ поразительною твер-

достію направлялись и духовныя и военныя силы московскаго княжества. Преподобный Сергій помогаетъ московскому князю устранить соперничество съ нимъ и рязанскаго князя и мѣстное соперничество, не чуждое вражды къ Москвѣ, князей суздальскихъ; митрополитъ Алексѣй по взгляду Ольгерда былъ самымъ опаснымъ для него помощникомъ московскаго князя, до такой степени, что счелъ необходимымъ даже жаловаться на Алексія константинопольскимъ патріархамъ.

Замѣчательно, что энергія московскихъ государственныхъ людей болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ сочувствіе русскихъ людей, и защита московской государственности становится чаще и чаще дѣломъ обще-русскимъ. Это выразилось не только въ томъ, что ослабленное бѣдствіями московское княжество находило силы для борьбы съ такими соперниками, какъ суздальскіе князья, сильные надеждой на татаръ, какъ рязанскій князь, находившій себѣ поддержку, между прочимъ, и въ областномъ высокомѣрномъ отношеніи рязанцевъ къ москвичамъ, но даже съ такимъ опаснымъ врагомъ, какъ тверской князь, сильный и родовыми воспоминаніями о попыткахъ борьбы съ татарами и особенно родствомъ съ Ольгердомъ и его постоянною поддержкою. Противъ этого врага Москва находитъ возможнымъ двинуть уже сборныя силы разныхъ княжествъ и, что особенно важно, сборныя русскія силы давятъ тверскаго князя съ яснымъ сознаніемъ, что его политика вредна Россіи, что онъ губитъ Россію, наводя на нее Литву и дружа съ Мамаемъ (*). Тутъ мы видимъ уже

(*) Вси бо вознегодоваша, говорится въ Никоновской лѣтописи, на великаго князя Михаила Александровича тверскаго, глаголюще: колико

народное русское посрамленіе областному князю, который, повидимому, былъ представителемъ лучшихъ началъ русской цивилизаціи, и рѣшительное народное признаніе превосходства московской государственности. Этотъ походъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и важнѣйшею подготовкою русскихъ людей къ рѣшенію еще болѣе важной задачи—къ борьбѣ соединенными русскими силами подъ главенствомъ Москвы противъ татаръ.

Мысль объ этомъ историческомъ призваніи Москвы—собрать русскія силы для сверженія татарскаго ига давно уже таилась въ русской душѣ, освѣщалась по временамъ русскимъ сознаніемъ и къ тому времени, когда Дмитрій Іоанновичъ приходилъ въ зрѣлый возрастъ, становилась неотложной задачей.

Насколько извѣстно по лѣтописямъ, она въ первый разъ со всею ясностію высказана тверскимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ въ 1328 г., во время вышесказаннаго похода на Псковъ соединенныхъ русскихъ областныхъ князей подъ начальствомъ Іоанна Калиты. «Лѣпо было вамъ, сказалъ врагамъ своимъ, между прочимъ, князь Александръ Михайловичъ, другъ за друга и братъ за брата стояти, а татарамъ не выдавати, но противлятися за нихъ за одинъ, и за русскую землю и за православное христіанство стояти; вы же супротивное творите, и татаръ наводите на христіанъ и братію свою предаете татарамъ» (*). Эта великая задача, такъ ясно постав-

сей приводилъ ратью зятя своего, великаго князя литовскаго Ольгерда Гедиминовича и много зла христіанамъ сотвори, а нынѣ сложился съ Мамаемъ и со царемъ его и со всею ордою Мамаевою, а Мамай яростію дышетъ на всѣхъ насъ и аще сему попустимъ, сложився съ ними, имать погубити всѣхъ насъ (Т. 4, стр. 43).

(*) Ник. лѣт. Т. 3, стр. 152.

ленная московскому князю и его союзникамъ, сознана была ближайшимъ преемникомъ Калиты Симеономъ Гордымъ. Татищевъ сохранилъ намъ извѣстіе, безъ сомнѣнія, не имъ выдуманное, а взятое имъ изъ лѣтописи, несохранившейся до нашего времени, что этотъ князь, собиравшій часто для своихъ походовъ удѣльныхъ князей и державшій ихъ въ сильной зависимости отъ себя, объяснялъ имъ, что сильная власть его надъ ними необходима для того, чтобы Русь опять стала могущественною и была въ состояніи свергнуть татарское иго. Во времена Димитрія Іоанновича эта задача выдвинута была самой русской жизнію. Татарское царство быстро разлагалось. Русскіе лѣтописцы XIV в. съ большою тщательностію записываютъ извѣстія о смутѣ въ ордѣ, о рѣзнѣ между претендентами на ханскій престолъ. Этимъ лѣтописцы, очевидно, выражаютъ всеобщее вниманіе русскихъ къ этимъ событіямъ въ татарскомъ мірѣ. И это вниманіе не оставалось безплоднымъ. Русскіе люди стали выступать на борьбу съ татарами. Этотъ новый путь прежде всѣхъ стали прокладывать самые дурные русскіе люди того времени—новгородскіе ушкуйники. Съ самаго начала второй половины XIV вѣка они на своихъ ушкуяхъ пробирались то верхнею Волгой, то особенно Камой въ татарскія области, и вносили смуту и опустошенія; добирались они даже до нынѣшней Астрахани. Часто они были сами побиваемы, но все таки знакомили русскихъ людей съ борьбою съ татарами и вызывали ихъ взяться за это дѣло.

Сами, впрочемъ, татары настойчиво вызывали русскихъ на этотъ путь. Разлагавшееся татарское царство стало выдѣлять изъ себя отдѣльныхъ владѣтелей, вождей отрядовъ, нерѣдко со-

всѣмъ независимыхъ отъ хановъ, и эти владѣтели и вожди, то свѣдома хановъ, то по собственному почину, врывались въ русскія области и пустошили ихъ. Часто терпѣла отъ нихъ Рязань, но особенно много страдала быстро выдвигавшаяся на востокъ русская колонія въ Нижегородской области. Русскіе люди и въ Рязани и особенно въ Нижегородской области по необходимости должны были бороться съ этими татарскими наѣздами и иногда побивали ихъ. Московскій князь не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ этихъ наѣздовъ, когда онъ болѣе и болѣе подчинялъ своему вліянію эти области. Кромѣ того и Рязань и особенно Нижній тѣсно были связаны съ Москвою торговыми интересами. Наконецъ татарскіе отряды подступали иногда и къ московскимъ предѣламъ.

Московскій князь то посылалъ подмогу нижегородцамъ, даже для наступательныхъ дѣйствій противъ татаръ, то загораживалъ татарамъ дорогу въ предѣлы московскаго государства у Оки. Татары видѣли ясно, что московскій князь составляетъ для нихъ единственное препятствіе въ ихъ наѣздахъ на русскія области, что они не только не могли врываться въ его собственную область, но должны были постоянно на него оглядываться, случалось-ли имъ вторгаться въ нижегородскую область или въ Рязань. Въ 1378 г. Мамай, занявшій въ ордѣ полновластное положеніе, рѣшился прямо уже наказать Димитрія, и послалъ на него два отряда: одинъ въ нижегородскую область, гдѣ татары могли легко справиться съ обезсиленнымъ ими русскимъ населеніемъ и угрожать съ этой стороны московской области, а другой, главный отрядъ—че-

резъ рязанскую область къ Москвѣ. Нижегородская область покрылась новыми развалинами, но московская осталась цѣла. Димитрій въ союзѣ съ княземъ рязанскимъ и княземъ пронскимъ нанесъ татарамъ страшное пораженіе въ рязанской области у рѣки Вожи. Можно было ожидать немедленно новаго, рѣшительнаго взрыва въ татарскомъ мірѣ, но Мамай не могъ вдругъ собрать достаточно силъ и успѣлъ лишь немедленно подвергнуть казни ближайшую область—рязанскую, которую жестоко раззорилъ.

Настало двухлѣтнее затишье, оказавшееся зловѣщимъ. По лѣтописямъ не видно, чтобы въ Москвѣ ожидали новой грозы со стороны татаръ и готовили новыя силы. Димитрій Іоанновичъ какъ будто забылъ о Мамаѣ и занялся въ слѣдующемъ 1379 г., повидимому, маловажнымъ, случайнымъ дѣломъ,—послалъ войска противъ Литвы, гдѣ послѣ смерти Ольгерда была большая смута въ литовскомъ княжескомъ родѣ. Но въ дѣйствительности этотъ походъ едва-ли былъ случайнымъ, и едва-ли онъ не имѣлъ существенной связи съ новыми отношеніями Москвы къ татарамъ. Перешедшій до того времени подъ власть Димитрія Іоанновича литовскій князь Ольгердовичъ, Андрей полоцкій, а за нимъ въ этотъ походъ Димитрій трубчевскій, связанные родствомъ съ вѣрнѣйшимъ и храбрѣйшимъ помощникомъ Димитрія, двоюроднымъ братомъ его, княземъ серпуховскимъ Владиміромъ Андреевичемъ, едва-ли дѣйствовали въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ одного лишь неудовольствія на брата Ягайлу, а не подъ обаяніемъ славы Димитрія послѣ Вожинской битвы, и едва-ли ихъ переходъ на сторону Москвы не былъ выраженіемъ народной тяги къ

Москвѣ русскихъ людей западной Россіи? Тяга эта сказалась явственно при переходѣ къ московскому князю Димитрія Ольгердовича, который мирно встрѣтилъ пришедшее на него московское войско и перешелъ къ Димитрію съ семьею и боярами (*).

Все это было пріобрѣтеніемъ новыхъ силъ, новымъ русскимъ сборомъ для предстоявшей борьбы съ татарами. Безъ сомнѣнія, тогда же обдумывались и другія средства для борьбы съ татарами. Объ этомъ не говорятъ современные свидѣтели; однако большинство изъ нихъ знаетъ и говоритъ о твердомъ рѣшеніи Мамая отомстить московскому князю за Вожинское пораженіе и объ его большихъ и, очевидно, не кратковременныхъ стараніяхъ собрать большое войско, найти союзниковъ. Послѣднее обстоятельство, именно, хлопоты о союзникахъ, сношенія Мамая съ Олегомъ рязанскимъ и особенно съ Ягайлой должны были и начаться значительно раньше 1380 г., и едва-ли оставались неизвѣстными московскому князю до августа этого года, когда будто бы вдругъ, только отъ самого Олега рязанскаго, Димитрій узналъ, что Мамай идетъ на него. Предположить, что Димитрій Іоанновичъ гораздо раньше зналъ о сборахъ Мамая и гораздо раньше готовилъ свои мѣры, заставляетъ и то, что онъ успѣлъ въ самое короткое время собрать необыкновенно большое войско, какого никогда не удавалось собирать на Руси, и притомъ нѣкоторые отряды пришли такъ скоро изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ, какъ Псковъ, Бѣлоозеро и другія сѣверныя области. Если всего войска, собравшагося къ первымъ двадцатымъ числамъ авгу-

(*) Ник. лѣт. Т. 4, стр. 84.

ста въ Коломну, было никакъ не больше полутораста тысячъ или даже не больше ста тысячъ, то и такого числа нельзя было собрать ни такъ скоро, ни тѣмъ менѣе изъ одной московской области и областей однихъ подручныхъ князей. Войска, безъ сомнѣнія, раньше собирались и собирались изъ всѣхъ русскихъ областей, несмотря ни на какія отношенія къ Москвѣ ихъ мѣстныхъ князей, ихъ правителей. Свобода сбора отрядовъ изъ всѣхъ областей обезпечивалась уже однимъ правомъ дружинникомъ отъѣзда, а тогда важнѣйшіе дружинники стояли подлѣ своихъ князей не одинокими, а съ отрядами своихъ младшихъ дружинниковъ. Все дѣло въ томъ, было ли желаніе воспользоваться этой свободой, и дѣйствительно ли русскіе люди того времени воспользовались ею? Составитель такъ называемаго краткаго сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, признаваемаго обыкновенно самымъ достовѣрнымъ, смотритъ на тогдашнее движеніе русскихъ, какъ на общерусское движеніе, и обвиняетъ въ измѣнѣ этому народному движенію только Олега рязанскаго и никого больше (*).

Этимъ общерусскимъ движеніемъ, дѣйствительно бывшимъ, а не одною прихотливою фантазіей нашихъ древнихъ писа-

---

(*) Всегда неизмѣнно онъ говоритъ обо всѣхъ русскихъ князьяхъ и воеводахъ, когда разсказываетъ о призывѣ ихъ къ борьбѣ съ татарами и походѣ ихъ къ Дону. Только въ нѣкоторыхъ памятникахъ, особенно въ житіи Дмитрія Донскаго говорится, что призывались и пришли подручные князья, но тогда всѣ русскіе князья въ извѣстномъ смыслѣ были подручны московскому; если же въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что тотъ или другой князь не пришолъ, какъ напримѣръ тверской и суздальскій, то отсюда еще не слѣдуетъ, что не было у Донскаго никакой дружины изъ ихъ областей.

телей нужно объяснять и то, что въ распространенныхъ, украшенныхъ поэтическими картинами, сказаніяхъ объ этомъ событіи, рядомъ съ неоспоримо вымышленными участниками въ Мамаевомъ побоищѣ, перечислены и дѣйствительно существовавшіе князья почти всѣхъ русскихъ областей. Этимъ общерусскимъ движеніемъ нужно объяснять и то, что ни одинъ изъ старыхъ соперниковъ московскаго князя не посмѣлъ поднять противъ него оружія, когда онъ ушолъ къ Дону, и что даже самъ Ягайло шелъ къ своему союзнику Мамаю медленными, нетвердыми шагами, и запоздалъ. Рѣшалась судьба всей Россіи, всѣхъ русскихъ областей, а не одного московскаго княжества. Ощущеніе величія настоящаго момента не могло не сказываться въ русскихъ людяхъ всѣхъ областей, не смотря ни на какія искуственныя загородки, разъединявшія ихъ,—сословныя, мѣстныя, областныя, государственныя.

Но это-то величіе историческаго момента и дѣлало положеніе главнаго вождя этого общерусскаго движенія—московскаго князя Димитрія Іоанновича страшно отвѣтственнымъ, труднымъ, и каковы бы ни были его личныя доблести,—рѣшительность характера и храбрость, онъ не могъ выступать въ этой великой драмѣ одинъ и черпать силы и рѣшенія только въ себѣ самомъ. Онъ необходимо долженъ былъ сознать себя слабымъ орудіемъ Промысла, выразителемъ общерусской народной силы, и искать опоры въ Богѣ и русскихъ людяхъ. Эту существенную черту положенія Димитрія Іоанновича вѣрно подмѣтили всѣ составители сказаній о Мамаевомъ побоищѣ, даже тѣ изъ нихъ, которые брали для изображенія

этого событія поэтическіе образы и обстановку древнихъ русскихъ героевъ изъ слова о полку Игоревѣ, гдѣ эти герои почти вездѣ предоставляются собственнымъ, естественнымъ силамъ, и потому особенно ясно выступаетъ ихъ личное величіе. Димитрій Донской, как бы бы ни были, повторяемъ, его личныя качества, долженъ былъ выступать на это великое поприще человѣкомъ съ глубокимъ христіанскимъ смиреніемъ, человѣкомъ, ищущимъ Божіей помощи и мудраго совѣта лучшихъ русскихъ людей. Точно такъ же естественно и неизбѣжно было, чтобы величайшій русскій отшельникъ того времени, преподобный Сергій, вышелъ изъ своего уединенія, изъ своей отрѣшенности отъ міра во всемъ величіи его любви къ Россіи, нравственную силу которой онъ такъ успѣшно возсоздавалъ и которая теперь, въ эту великую историческую минуту, могла одолѣть татаръ только въ такомъ случаѣ, если нравственная сила ея ни на одно мгновеніе не будетъ ниже ея матеріальной силы. Мы дѣйствительно и видимъ во всемъ ходѣ Куликовской битвы высшее возбужденіе этой нравственной русской силы, — видимъ и великое религіозное русское одушевленіе, и великое напряженіе русскаго ума. *Эти черты опять вѣрно подмѣтили* составители сказаній о Мамаевомъ побоищѣ, особенно составители обширныхъ сказаній. Они намъ разсказываютъ не только о возбужденномъ, молитвенномъ настроеніи Димитрія Донского, о горячемъ участіи въ немъ преподобнаго Сергія, объ отправленіи въ войско иноковъ Пересвѣта и Ослябя и затѣмъ грамоты Сергія, ободрявшей на борьбу, но даже платятъ дань тогдашнему народному суевѣрію,—разсказываютъ о гаданіяхъ на куликовомъ полѣ касательно предстоявшаго исхода битвы

и дѣлают знатокомъ этихъ гаданій храбрѣйшаго изъ вождей— Боброка-Волынца. Съ другой стороны, составители сказаній, особенно обширныхъ, глубоко вдумывались въ важнѣйшіе моменты Куликовской битвы, собирали свѣденія, преданія, и нарисовали намъ дѣйствительно превосходную картину этой битвы или, лучше сказать, всего похода, и мы теперь, особенно послѣ прекраснаго изложенія этой битвы г. Иловайскимъ (*), можемъ ясно видѣть, что все это побоище ведено было русскими съ необыкновеннымъ военнымъ талантомъ, и тѣмъ рѣшительнѣе можемъ отвергнуть мнѣніе почтеннаго, вышеупомянутаго автора и единомыслящихъ съ нимъ, будто Куликовская битва была дѣломъ Москвы, московскаго княжества. И воодушевленіе и разумъ здѣсь были общерусскіе, и только при этомъ условіи оказался возможнымъ блистательный успѣхъ этой битвы.

Въ самомъ дѣлѣ, при первомъ взглядѣ, весь этотъ походъ представляется необыкновенно смѣлымъ, въ высшей степени опаснымъ дѣломъ, какимъ то поэтическимъ, юношескимъ порывомъ молодыхъ, неосторожныхъ силъ, порывомъ, совершенно противнымъ глубокой, неизмѣнной практичности московскихъ князей и вообще московскихъ людей. Громадное войско, почти весь военный слой русскаго народа уходитъ на югъ, далеко за предѣлы московскаго княжества. Москва, правда, окружена недавно построенной крѣпкой стѣной и въ ней оставленъ отрядъ, но онъ не могъ быть большимъ, былъ даже вскорѣ ослабленъ (**), и во всякомъ случаѣ, ни московскія

(*) Куликовская битва Дмитрія Ивановича Донскаго. М. 1880 г.

(**) Часть его вскорѣ ушла къ войску и соединилась у Оки.

стѣны, ни отрядъ московскій не могли защитить областнаго населенія московскаго княжества. Небольшой татарскій отрядъ, пробравшійся вверхъ по Волгѣ, могъ надѣлать много бѣды. Задержать его не легко могли суздальскіе князья, если даже они не ушли съ другими на Донъ. Но что еще важнѣе, и суздальскіе князья, и особенно тверской, если правда, что и онъ не послалъ съ Димитріемъ своего войска, имѣли теперь самый удобный случай кинуться на Москву. Походъ Ягайлы на соединеніе съ Мамаемъ и Олегомъ рязанскимъ могъ быть для нихъ величайшимъ соблазномъ. И однако никто изъ нихъ не трогается, и Мамай не находитъ возможнымъ послать прямо на Москву особый отрядъ. Кто же бережетъ оставленную русскую землю,—землю стариковъ, женщинъ, дѣтей,—землю, немощную, томящуюся въ опасеніяхъ за судьбу своихъ присныхъ? Нѣтъ на этой Руси даже митрополита, котораго властное слово могло бы сдерживать, по крайней мѣрѣ, внутреннихъ враговъ. Великій святитель Алексій давно умеръ; новый митрополитъ Кипріанъ отсутствуетъ, да онъ притомъ иноземецъ и связанъ близкими отношеніями съ литовскимъ княземъ Ягайлой. Остается на виду у всѣхъ и бережетъ русскую землю своими молитвами и нравственнымъ вліяніемъ одинъ только великій русскій подвижникъ, преподобный Сергій! Какимъ же образомъ могло совершиться чудо, что самые практическіе на Руси люди—московскій князь и его совѣтники рѣшились оставить московское княжество въ такомъ опасномъ положеніи и уйти со всѣми почти силами такъ далеко, оставляя притомъ совершенно открытымъ свой тылъ? Но мало того. Они, повидимому, оставляютъ совершенно открытыми и

свои фланги. Вмѣсто того, чтобы идти прямо въ рязанскую землю и заставить князя Олега пристать къ нимъ, или, уничтоживъ его своими подавляющими силами, сдѣлать безвреднымъ для себя, они берутъ вправо, почти обходятъ владѣнія Олега, какъ бы оставляя ему свободу, при первомъ удобномъ случаѣ, ударить имъ въ лѣвый бокъ, и это въ то время, когда съ другой стороны—правой двигается новый врагъ Ягайло! Но мало и этого. Дойдя какимъ то чудомъ, съ открытымъ тыломъ и обоими флангами, невредимо до Дона, они, не смотря на малодушное смущеніе многихъ въ своей средѣ, рѣшаются сейчасъ же перейти Донъ. Этимъ они, конечно, уничтожаютъ сразу опасность своего открытаго положенія съ тылу и съ фланговъ, но за то сами отрѣзаютъ себѣ путь къ отступленію. Еще далѣе. Утромъ, 8-го сентября 1380 г. послѣ перехода черезъ Донъ—страшный туманъ. Онъ, правда, скрываетъ отъ татаръ русскія войска, но онъ же мѣшаетъ размѣститься, какъ слѣдуетъ, такому громадному войску. Размѣщеніе это, повидимому, должно было быть случайнымъ, спутаннымъ. Наконецъ, еще одна странность. Главный вождь этого громаднаго войска вмѣсто того, чтобы оставаться на одномъ, всѣмъ извѣстномъ мѣстѣ, при своемъ стягѣ, гдѣ бы во-время можно было получать свѣденія о ходѣ битвы и вовремя дѣлать новыя распоряженія, не остается на этомъ мѣстѣ, а какъ бы повинуясь юношескому, воинственному порыву, рѣшается самъ сражаться въ передовомъ полку, и его скоро всѣ теряютъ изъ виду, а битва, значитъ, идетъ сама собою, безъ плана, безъ направленія, такъ, однимъ словомъ, какъ, по изображенію графа Л. Толстаго происходила

будто бы Бородинская битва и какъ будто бы происходятъ всѣ битвы вообще—безъ мысли, безъ сознанія того, что дѣлается. Такъ и изображаетъ Куликовскую битву авторъ краткаго сказанія о Мамаевомъ побоищѣ и видитъ единственное осмысленіе этой битвы, какъ и всего похода, въ томъ лишь, что сила Божія спасала русскихъ.

Мы оставляемъ неприкосновеннымъ его разсказъ о силѣ Божіей; но что касается силы русскаго разума, сказавшагося во всемъ этомъ дѣлѣ, то мы должны признать этого автора совсѣмъ не свѣдущимъ въ этихъ дѣлахъ, въ чомъ онъ и самъ какъ бы признается, заявляя въ одномъ мѣстѣ, что имѣетъ нѣкоторыя точныя свѣденія лишь о томъ моментѣ, когда произошолъ съступъ или суймъ, т. е. первая стычка съ татарами передоваго русскаго отряда и затѣмъ колебаніе средняго отряда. Для разъясненія дѣйствительнаго дѣла мы должны обратиться къ другимъ источникамъ,—къ обширнымъ сказаніямъ, къ разнымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ и сопоставленію всѣхъ этихъ данныхъ.

Кромѣ Божіей помощи и величайшаго одушевленія, безъ которыхъ ничего не вышло бы, Куликовская битва и весь этотъ походъ показываютъ необыкновенную силу русскаго ума, и ума, такъ сказать, сборнаго, коллективнаго. Въ томъ то и величіе Куликовской битвы и всего этого похода, что въ нихъ высказалась дивная гармонія необыкновеннаго религіознаго одушевленія, необыкновеннаго юношескаго порыва и въ тоже время—поразительно сильнаго и яснаго ума. На это способенъ только молодой, даровитый, имѣющій богатую историческую будущность, народъ.

и доблестнымъ порывомъ, напоминавшимъ подвиги лучшихъ князей дотатарскаго времени и дающимъ людямъ, какъ извѣстно, своего рода прозрѣніе, и чисто практическимъ умомъ восточно-русскихъ людей вѣрно было угадано и расчитано, что можно безопасно вывести изъ Руси почти всѣ войска и уйти съ ними далеко отъ Москвы. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ прежде всего то, что Димитрій Іоанновичъ повелъ войска не прямо на Рязань, а правѣе, почти въ обходъ рязанскаго княжества и даже запретилъ трогать его жителей. Этимъ установлено было безмолвное соглашеніе Димитрія съ Олегомъ не мѣшать другъ другу; но въ тоже время Димитрій ставилъ этимъ Олега подъ сильное вліяніе народа рязанской земли, не могшаго не сочувствовать сѣверно-русскому ополченію и не быть ему благодарнымъ за свое спокойствіе и, главное, Димитрій въ тоже время отрѣзывалъ Олега отъ всякихъ сношеній и соглашеній съ Ягайлой. Лѣвый флангъ русскаго войска такимъ образомъ былъ прикрытъ надежно.

Не менѣе надежно, покрайней мѣрѣ на первое время, прикрыты были и тылъ, и правый флангъ этого войска. Кромѣ части московскаго отряда, запоздавшаго выступленіемъ въ походъ, безъ сомнѣнія, не случайно, сильно опоздалъ вѣрнѣйшій и храбрѣйшій сподвижникъ Донского князь Владиміръ Андреевичъ. Безъ сомнѣнія, онъ потому опоздалъ, что наблюдалъ, не поднимется ли кто на Москву внутри Россіи, а также потому, что слѣдилъ за движеніями Ягайлы. Въ этомъ же дѣлѣ охраненія Руси не малую службу сослужили и литовскіе князья—Андрей и Димитрій. По сказаніямъ, и краткимъ и обширнымъ,—они являются въ этомъ походѣ поздно,—но крат-

кимъ сказаніямъ, при выходѣ войска изъ Коломны, по обширнымъ, только у самаго Дона, и являются неожиданно, какъ будто теперь только перешли подъ власть московскаго князя. Но изъ лѣтописей мы знаемъ, что они еще задолго передъ тѣмъ перешли на его сторону и, безъ сомнѣнія, не случайно являлись теперь и не случайно запоздали. Одинъ изъ нихъ, Андрей шелъ изъ Пскова съ псковичами и, конечно, со многими полочанами, у которыхъ прежде былъ княземъ; другой шелъ изъ Брянска съ брянскою силою. Гдѣ они соединились на пути къ Димитрію Іоанновичу, неизвѣстно, во всякомъ случаѣ гдѣ либо между тверскимъ княжествомъ и Литвою, а эта полоса тогда имѣла великое стратегическое значеніе. Ее то и занимали эти князья и, безъ сомнѣнія, намѣренно медлили до послѣдней минуты. По нѣкоторымъ сказаніямъ у нихъ было 40,000 войска; но если у нихъ было даже гораздо меньше, то и въ такомъ случаѣ эта сила способна была и замедлять путь Ягайлы, и держать на мѣстѣ тверскаго князя, если бы онъ задумалъ войти въ соглашеніе съ Ягайлой и двинуться на Москву. Такимъ образомъ, и спокойствіе московскаго княжества, и тылъ и правый флангъ русскаго войска, ушедшаго къ Дону, были охранены, покрайней мѣрѣ, до послѣдняго времени. Эти же князья по обширнымъ сказаніямъ оказали и другую услугу. Когда пришлось переходить Донъ и въ русскомъ войскѣ обнаружилось колебаніе—одни говорили, что нужно переходить, другіе, что не нужно, а пусть переходитъ на эту сторону Мамай, то литовскіе князья рѣшительно стали за первое мнѣніе, указывая, что въ такомъ случаѣ и нехрабрые поневолѣ будутъ сражаться, а если не переходить

Дона, то многіе побѣгутъ назадъ. Мнѣніе это было принято, и Димитрій приказалъ переходить Донъ. Извѣстіе это весьма вѣроятно. Обрусѣвшіе литовскіе князья, не малое время бывшіе уже въ восточной Россіи, конечно, хорошо знали качества слабѣйшей части собравшагося войска. Но едвали не вѣрнѣе всего предположеніе, что, какъ сыновья воинственнаго Ольгерда, они имѣли высокое, авторитетное военное развитіе, и зная, вѣроятно, гдѣ находился Ягайло и какъ необходимо торопиться, чтобы предупредить его соединеніе съ Мамаемъ, они тѣмъ вліятельнѣе могли высказывать свое мнѣніе.

Далѣе. Туманъ, бывшій утромъ въ день Куликовской битвы и, повидимому, мѣшавшій во-время и правильно расположить войска, послужилъ, и на дѣлѣ, и въ сочиненіяхъ русскихъ повѣствователей этого событія, къ обнаруженію высокаго военнаго таланта въ распорядителяхъ битвой. По обширнымъ сказаніямъ Димитрій воспользовался этимъ туманомъ, чтобы, незамѣтно для татаръ и, вѣроятно, для многихъ изъ русскаго войска, устроить засаду въ лѣсу; и такъ какъ эта засада должна была дать рѣшительный поворотъ битвѣ, то она поручена была самымъ опытнымъ и храбрымъ вождямъ—князю Владиміру Андреевичу и Боброку-Волынцу, которые дѣйствительно, въ самую критическую минуту, и рѣшили дѣло въ пользу русскаго войска. Очевидно, вожди этого войска имѣли зрѣло обдуманный планъ, и хорошо знали мѣстность, гдѣ предстояло сражаться, и не затруднялись даже въ туманѣ правильно располагать войска.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ еще слѣдующее обстоятельство, именно то, что Димитрій не остается на своемъ княжескомъ

мѣстѣ, а пошолъ биться на ряду съ другими, въ самый пылъ сраженія. Это можно было сдѣлать только въ такомъ случаѣ, когда все напередъ было хорошо опредѣлено, когда въ большомъ и боковыхъ полкахъ были надежные вожди и когда главный вождь Димитрій Іоанновичъ обладалъ большою личною храбростію. Его княжеское мѣсто и знамя были въ среднемъ, большомъ полку. При такомъ большомъ войскѣ это было самое безопасное мѣсто и если бы во время сраженія не подались «москвичи-небывальцы», находившіеся въ этомъ полку, укоръ которымъ за это проведенъ черезъ всѣ извѣстныя редакціи краткихъ сказаній, то это мѣсто такъ и осталось бы безопаснымъ. Димитрій поэтому могъ съ совершенно спокойною совѣстію поручить свое знамя и даже одѣть въ свою одежду любимаго своего боярина—Бренка, который оказался потомъ убитымъ, очевидно, не вслѣдствіе того, что занималъ опасное положеніе, а потому, что неожиданно подались «небывальцы-москвичи», находившіеся въ этомъ полку. Димитрій, передавшій свое мѣсто, знамя и одежду Бренку, показалъ въ этомъ случаѣ не преступную заботливость о своей безопасности и трусость, а напротивъ добрыя чувства дружбы и личную доблесть. Тутъ ему мало было дѣла; тутъ былъ притомъ храбрый Бѣлозерскій князь, а въ передовомъ полку, куда онъ ушелъ, онъ могъ и удовлетворить влеченію своей храбрости и дѣлать распоряженія, особенно важныя и нужныя, такъ какъ тутъ былъ первый «съступъ», стычка съ непріятелемъ. Если же потомъ Димитрій упущенъ былъ изъ виду, затерялся въ массѣ сражавшихся и найденъ съ избитой броней и еле живой въ лѣсу, подъ деревомъ, то потому лишь, что передовой полкъ былъ смятъ, средина подалась, и

сраженіе на нѣкоторое время превратилось дѣйствительно въ стихійную борьбу смѣшавшихся враговъ (*), пока не ринулись на татаръ свѣжія силы засаднаго отряда (**). Отрядъ этимъ исправилъ оплошность «небывальцевъ-москвичей»; татары были разбиты на голову; Мамай бѣжалъ, и къ великой радости побѣдителей великій князь Димитрій найденъ былъ живымъ (***).

Ставъ на полѣ битвы, на костехъ, какъ тогда выражались,

(*) По обширнымъ сказаніямъ, двое изъ числа искавшихъ Димитрія Донского уклонились вправо, къ лѣсу, и тамъ нашли его. По всей вѣроятности Димитрій, отбиваясь отъ налегавшихъ на него татаръ, направлялся къ засадному полку чтобы вызвать его въ дѣло; но потерялъ силы и спрятанъ былъ кѣмъ-либо изъ слугъ, потомъ убитыхъ, подъ срубленное дерево.

(**) Мы не могли никогда понять, какимъ образомъ могъ быть поднятъ вопросъ о храбрости Димитрія и его честности по отношенію къ Бренку. Изъ самаго хода куликовской битвы мы видимъ, что этотъ вопросъ просто невозможенъ. Кромѣ того, человѣкъ, съ юныхъ лѣтъ бывавшій во многихъ бояхъ, бившійся съ такими талантливыми людьми, какъ Ольгердъ и Михаилъ Александровичъ тверской, не могъ не выработать въ себѣ хладнокровія въ битвѣ, еслибы даже не обладалъ природной храбростію. Что же касается Бренка, то мы считаемъ даже странными ссылки на подобные извинительные случаи изъ жизни западно-европейскихъ полководцевъ. Нашъ русскій князь XIV вѣка выше ихъ, и не нуждается въ сравненіи съ ними.

(***) Громадное, никогда до того времени не собиравшееся въ такомъ числѣ русское войско, конечно, не знало смѣлаго и талантливаго плана войны, чуть-было не разрушившагося въ конецъ. Многіе вожди, знавшіе этотъ планъ, были перебиты и осталось ихъ весьма немного. Въ массѣ людей, расходившихся по домамъ послѣ Куликовской битвы, обращались или частныя свѣдѣнія о дѣлахъ личныхъ или о дѣлахъ отдѣльныхъ дружинъ, а касательно общаго хода войны и битвы извѣстны были лишь главнѣйшіе, общеизвѣстные моменты, да еще по-

Димитрій велѣлъ скликать отряды. Побѣдители славили Бога, ликовали, и многіе изъ нихъ, по всей вѣроятности, думали, что насталъ уже конецъ татарскаго ига. Но этого не случилось. Татары еще нашли новыя силы, чтобы возстановить это иго еще на столѣтіе. Но это было уже иное иго, большею частью тѣнь ига. Куликовская битва такъ изломала его, что возсоздать его въ прежней крѣпости было уже невозможно и оно должно было скоро сокрушиться. Сокрушилось оно, какъ извѣстно, даже само собой. Изломала его Куликовская битва особенно тѣмъ, что обнаружила великую нравственную силу московской государственности въ сознаніи всѣхъ русскихъ людей, дала ей передъ всѣми торжественное историческое оправданіе, и съ того времени уже не могъ

тери передового полка и замѣшательство большого полка, что легко могло сдѣлаться извѣстнымъ въ разныхъ отрядахъ еще до вступленія ихъ въ дѣло. Вотъ, эти-то общеизвѣстныя вещи и записалъ составитель краткаго сказанія—лицо, по всей вѣроятности, духовное, и не изъ Москвы, а, по всей вѣроятности, изъ области бѣлозерской. Въ такомъ видѣ сказаніе это перешло въ большую часть нашихъ главныхъ лѣтописныхъ списковъ. Но неудовлетворительность этого сказанія, видно, чувствовалась очень рано. Въ томъ же XIV вѣкѣ появилось болѣе обстоятельное описаніе войны съ Мамаемъ, составленное неоспоримо военнымъ человѣкомъ, современникомъ и можетъ быть участникомъ въ Куликовской битвѣ, Софоніемъ, бояриномъ брянскимъ. Но это новое сказаніе возбуждало такой интересъ, что вызвало подражателей, то передѣлывавшихъ это произведеніе, то вновь составлявшихъ подобныя сказанія. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло подлинное сказаніе Софонія, а только его передѣлки и подражанія ему, что и представляетъ великія трудности при изложеніи этой войны.

имѣть значенія для русскихъ людей никакой споръ объ ея существованіи.

Великій человѣкъ XIII вѣка Александръ Невскій, совершившій величайшій подвигъ личнаго самоотверженія для блага русскаго народа, совмѣщалъ въ себѣ и доблесть лучшихъ южныхъ русскихъ князей до-татарскаго времени, и великую практичность лучшихъ князей восточной Россіи ближайшихъ къ нему временъ, но не имѣлъ утѣшенія видѣть народнаго объединенія этихъ качествъ въ важнѣйшія минуты русской жизни. Татарскій разгромъ какъ бы разорвалъ па двое не только Русь, но и русскихъ людей по ихъ направленіямъ. Беззавѣтная доблесть южныхъ князей сдѣлалась непрактичной, а практичность сѣверо-востока Россіи превращалась въ черствость, суровость.

Потомокъ Александра Невскаго, Димитрій Донской подобно ему нашелъ въ христіанской вѣрѣ высшее уразумѣніе своего положенія и разрѣшеніе окружавшихъ его трудностей. Подобно ему онъ также соединялъ въ себѣ и доблесть и практичность. Но кромѣ того, онъ имѣлъ величайшее въ жизни русскихъ государей счастіе видѣть, какъ вся почти Русь поднялась до такой высоты, на которой сливались воедино и русская народная доблесть, русскій народный умъ. И великая честь Димитрію Донскому за то особенно, что онъ понялъ способность Руси подняться на эту высоту, увѣровалъ въ эту ея способность. Побѣдная слава увѣнчала эту вѣру его, а народная память, выразившаяся особенно сильно въ неутомимой разработкѣ сказаній о Мамаемомъ побоищѣ, сохранила живое, во-

одушевляющее русскихъ изъ рода въ родъ, свидѣтельство и объ этой славѣ и объ этой великой вѣрѣ въ Русь Димитрія Донского.

М. Кояловичъ.

(Извлечено изъ № 39 «Церковн. Вѣстника»).

Типографія Департамента Удѣловъ (Литейный проспектъ, № 39).